

часто ее вспоминал. Как-то раз, стоя у окна в гостиной и глядя в сад, где играли дети, он услышал, что одну из девочек тоже зовут Алисой. Доктор Доджсон вышел во двор и представился девочке.

— Я очень люблю Алис,— сказал он ей.

Девочку звали Алиса Рейкс. Доктор Доджсон пригласил ее в дом.

— Сейчас,— сказал он,— я покажу тебе одну загадку.

С этими словами он подал Алисе апельсин и подвел ее к высокому зеркалу, стоявшему в гостиной.

— В какой руке ты держишь апельсин? — спросил он.

— В правой,— сказала Алиса.

— Теперь посмотри на ту маленькую девочку в зеркале. А она в какой руке держит апельсин?

Алиса внимательно посмотрела на свое изображение.

— В левой,— отвечала она.

— Как это объяснить? — спросил доктор Доджсон.

Задача была не из легких, но Алиса не растерялась.

— Ну, а если бы я стояла по ту сторону зеркала,— сказала она,— апельсин ведь был бы у меня в правой руке, правда?

Доктор Доджсон пришел в восторг.

— Молодец, Алиса! — вскричал он. — Лучшего ответа я ни разу не слышал!

Разговор этот дал окончательное направление мыслям о новой книжке, занимавшим в последние годы Кэрролла. В основу ее легли истории, которые он рассказывал Алисе Лидделл, когда обучал ее играть в шахматы.

В Оксфорде в те годы увлекались старинной поэзией времен англосаксов. В декабре 1863 года доктор Доджсон водил девочек Лидделл на любительский спектакль в свой колледж. Ставили веселый фарс «Альфред Великий», костюмы и декорации были стилизованы под старину. После спектакля много было шуток об англосаксонских королях, воинах и гонцах. Вспомнили пародийные «Англосаксонские стансы», которые доктор Доджсон написал как-то вечером, когда все наперегонки — кто быстрее и лучше! — сочиняли стихи. Когда пришла его очередь читать, доктор Доджсон начал: «Варкалось. Хливкие шорьки...» Гости запротестовали, а он с важным видом стал объяснять значение каждого слова, пародируя ученых лингвистов.

В декабре 1871 года доктор Доджсон послал Алисе Лидделл первый экземпляр новой книжки. Алисе было в это время 19 лет, и она давно уже не жила в Оксфорде.

Так были написаны эти книжки. С тех пор прошло столетие — они живут, «живее некуда», как сказал об Алисе Гонец. Слава их все растет. Их переводили на все языки мира, ставили на сцене, в кино и на телевидении. Они вошли в язык и сознание англичан, как, пожалуй, никакая другая книга. Тот, кто не знает Чеширского Кота и Белого Рыцаря, не знает ничего об Англии.

* * *

Чарлз Лютвидж Доджсон родился в небольшой деревушке Дэрсбери в графстве Чешир 27 января 1832 года. Он был старшим сыном скромного приходского священника Чарлза Доджсона и Фрэнсис Джейн Лютвидж. При крещении, как нередко бывало в те времена, ему дали два имени: первое — Чарлз — в честь отца, второе — Лютвидж — в честь матери. Позже, когда юный Доджсон начал писать юмористические стихи, он взял себе псевдоним из этих двух имен, предварительно подвергнув их двойной трансформации. Сначала он перевел эти имена — «Чарлз Лютвидж» — на латинский язык, что дало «Каролус Людовикус». Затем он поменял их местами и перевел «Людовикус Каролус» снова на английский язык. Получилось «Льюис Кэрролл». Так возник псевдоним, прославивший Доджсона далеко за пределами его родной страны. Но это случилось много позднее.

Как и его отец, Чарлз учился в Оксфорде, одном из старейших английских университетов, однако своей специальностью он избрал математику. По окончании курса он получил приглашение остаться в Оксфорде. Осенью 1855 года он был назначен профессором математики колледжа Христовой церкви. По давней традиции преподавателю этого колледжа ставилось условие: он должен был принять сан священника и дать обещание не вступать в брак. Если бы позже он захотел жениться, ему пришлось бы оставить колледж. Доктор Доджсон (отныне так будут называть его друзья и ученики) принял эти условия. Он даже начал готовиться к принятию сана, но остановился на полпути. Он боялся, что посвящение свяжет ему руки, а главное, что ему придется отказаться от любимых занятий — писания юмористических стихов, посещения театра, который он страстно любил, и фотографии. Все эти светские занятия считались в те дни неподобающими для священника.

Вскоре в Оксфорде привыкли к одетой в темный костюм фигуре доктора Доджсона. Он был большой оригинал, чуждался взрослых и очень любил детей. Он совершал с ними дол-